

Алиса Вишня

Наложница
Империя
книга вторая

Алиса Вишня

Империя. Наложница

«Автор»

2023

Вишня А.

Империя. Наложница / А. Вишня — «Автор», 2023

В прошлый раз я попала в Империю красавицей принцессой, выжила во дворце, среди интриг и заговоров, не лишилась головы, и добилась любви императора. Теперь - некрасивая и бесправная рабыня, которую принимают за мальчика. Как выжить в степи, среди суровых и жестоких воинов- кочевников? От автора: Продолжение цикла Империя Первая книга - Фаворитка Фаворитка - прическазка. Настоящая история попаданки только начинается. Можно читать, как самостоятельную книгу.

© Вишня А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Алиса Вишня

Империя. Наложница

Глава первая

Меня тащило и волокло. Тело соприкасалась с землей короткими вспышками боли. Чирк... чирк... чирк ... Мимо пролетали серые стены домов, бегущие люди, конские ноги... И стоял нестерпимо громкий крик – вопли ужаса и боли, и рев... богундцев?

Кинуло на что-то мягкое, и движение прекратилось. Только голова кружилась, а глаза ничего не видели – лицо уткнулась в это мягкое, которое противно пахло и шевелилось. Полежав минуту, и немного придя в себя, я подняла голову, осмотрелась, и, с трудом, села.

Я находилась в куче орущих от ужаса людей – это на них меня кинули. И на эту вопящую массу несся огромный конь, с полуголым всадником, который тащил веревку, захлестнувшую человека, который, лежа, скользил по каменной мостовой – чирк, чирк, чирк...

Лошадь нас не раздавила – всадник дернул за поводья, конь отвернул, а в кучу упал человек, уже без веревки.

Боже! Надо немедленно возвращаться! Я попала в богундскую охоту на людей – они так рабов ловят. Но, покинуть Империю я могу, только умерев. Не самоубиваться же! Да и нечем.

Меня будто огнем жгло, и не удивительно! Руки и ноги покрыты ссадинами и синяками, одежда изорвана – будто мыши погрызли – и тело тоже изранено. Хорошо, хоть не сломано ничего – вроде бы – ведь тащили меня по камням и булыжникам.

Я осмотрелась. Место незнакомое, какой-то средневековый город, с узкой мощеной улочкой и каменными домами. Обычными, серыми. Люди, среди которых я сижу, одеты в бедные, грязные и рваные одежды, незнакомого мне покроя. Где же я оказалась? И кто я?

Осмотрела свое тело – худая женщина, с бледной кожей. Почему-то, в мужской одежде. Пощупала волосы, дернув прядку – рыжие, вьющиеся, но грязные и спутанные до такой степени, что превратились в войлок. Я бомжиха? Кошмар! Но вроде молодая, судя по фигуре и коже. Ладно! Прорвемся!

Между тем, охота закончилась. К нам подъехали несколько богундцев, и один стал орать, что бы поднялись, и построились. Но, похоже, кроме меня никто его не понимал – люди теснее сбивались в кучу, и не думали вставать. Дикарь разозлился, и принялся хлестал всех подряд, без разбору, кнутом. Рабы – а мы уже ими стали – огласили опустевшую улочку воплями боли.

Я знаю, что такое удар кнута, поэтому быстро вскочила и замерла – построилась. Но, на мое послушание не обратили внимания – кнут задел плечо, будто обжег.

Взвизгнув, я закричала по ассински, не уверенная, что рабы поймут:

– Встаньте истройтесь! Иначе, нас забьют!

Голос у меня был приятный – ну, хоть в этом повезло.

Может, и зря я вылезла – богундцы обратили на меня внимание, что не хорошо.

Люди поняли, хотя и не сразу – от испуга и шока они плохо соображали. Мне пришлось повторить, рабы начали вставать, и пристраиваться ко мне. При этом, выяснялась еще деталь – я была очень маленькая. Очень худенькая, и маленькая ростом, почти, как ребенок. Хотя, подростком точно не была.

Наконец, рабы построились, и их быстро связали, попарно, нога к ноге. А пары соединили другими веревками, образовав шеренгу.

Меня не связали.

– Пошли! – рявкнул богундец пленным, показывая кнутом, куда идти.

Я перевела, и повторила жест варвара, показывая направление.

Рабы тронулись шеренгой.

Талию захлестнула веревка, и меня опять потащили за лошадью, на этот раз, не быстро, и я, торопливо, пошла следом за конем. Рабы тащились за нами.

Мы прошли по улице, свернули на другую. Это был город, обычный для империи, с одно-двухэтажными домами, стоящими напротив друг друга, теперь полуразрушенными. Вокруг все носило следы нападения богундцев – на мостовой валялись трупы, в основном, мужчин, а многие из поврежденных зданий горели. И тишина, только звякали, по камням, подковы коней, да шаркали ногами, охали и стонали, рабы. Тишина... Похоже, живых в городке не осталось. Или они спрятались, затаились.

Понятно, что это не Богунд – в степи нет городов. Наверное, мы в Ассине, потому что люди знают этот язык, хотя вопили и причитали они на незнакомом. Ассин – это хорошо, быстрее доберусь до столицы, когда сбегу.

Но! Если богундцы напали на один из городов империи – значит, между ними война? Боже! Что же случилось? И что с Дени?

И еще. Раз это не Богунд – нас туда, в степь, и поведут. А это ужас как далеко! И идти придется пешком!

Но оказалось, за городом степь, во все стороны. Может, и Богунд... Или граница с ним, там такие пейзажи. Нас ждал обоз, состоящий из вереницы повозок, наполненных каким-то барахлом, видимо, награбленным; и нескольких шеренг пленников, к которым наша и присоединилась. В основном, это были женщины и дети. И немного молодых мужчин, тех, кому повезло не быть убитыми сразу, и которые не оказали сопротивления. Стариков не было вообще – их не в плен не брали.

Меня развязали, просто дернув за веревку – такое я уже видела – и один из дикарей спросил:

– Знаешь богундский?

Я кивнула.

– Будешь переводить!

Барвар показал на одну из телег, где барахла было поменьше, и сидел возница, даже не связанный. Меня тоже не опутали, и я уселась на повозку.

Все же, знание богундского полезно – пешком топтать не придется. И вообще, значит, я более ценная рабыня, чем другие, и меня будут беречь. По крайней мере, не забьют до смерти. Умирать я уже не хотела – сбегу, раз богундцы, так опрометчиво, не связали.

Обоз тронулся, повозки впереди, за ними рабы. Двигались неспешно, но пленники, все равно, отставали, и богундцы, следящие за порядком, разъезжая вдоль обоза, лупили отстающих кнутами, заставляя ускорить шаг.

Немного погодя, мы разговорились с возницей. Его звали Кир, и он был лидиец. Находились мы в Лидии, провинции Ассина, которая подняла мятеж. Слава богам! Значит, Богунд не воюет с Империей, а подавляет бунт, действуя в интересах Ассина. Где именно находится эта Лидия, я не знала, и спросила Кира. Оказалось, это окраина империи, относительно недавно к ней присоединенная, и у здешних жителей свой язык. Хотя, и ассинский они понимали. Как меня зовут, я Киру не сказала, сделав вид, что не поняла вопроса. Потому что, не знала, и имя себе еще не придумала – не до этого. Главное, что меня волновало, и о чем я спросила возницу – кто сейчас правит в империи? Кир, видимо, решил, что я тронулась умом, от переживаний – находясь в Лидии, не знаю, что это, и не знаю, кто император. Он сочувственно посмотрел на меня, и ответил:

– Правит империей Даниэль Неотразимый! Уже три года, как.

Уфф! Слава богам!

– Он женат? – продолжала спрашивать я, игнорируя его жалость. Тронулась так тронулась.

– Да—а! – кивнул возница – Жена его – императрица Элейн. И сын у них есть, наследный принц Александр. Ему недавно три года исполнилось!

Боже! Сын! Три годика! Возможно, это мой ребенок, а вовсе не Эль... Ведь я покинула Даниэля чуть больше трех лет назад...

Я расчувствовалась и прослезилась.

– И какой он, император?– продолжала спрашивать я, замирая от любви и нежности к Даниэлю и нашему – возможно – с ним сыночку.

– Хороший!– помолчав ответил возница, и как я не пытала его, больше не сказал о Дени ни слова.

Сам Кир не был ни пленником, ни рабом – он предан Ассину, восстание не поддерживает, и служит богундцам.

Дальше мы ехали по бескрайней серой степи молча, занятые своими мыслями. О чем думал Кир – неизвестно, я же приуныла.

Дени женат, и наверное, счастлив с Эль, которая является мамой маленького Александра – она его выносила, и родила. Я в эту картину не вписывалась... Разрушать семью последнее дело. Что ж об этом не подумала, когда рвалась обратно в Империю?

К вечеру однообразная голая степь сменилось редколесьем, и обоз выполз к небольшому озеру.

Богундцы объявили, что тут мы и заночуем, я перевела, и обессиленные люди попадали на землю. Их развязали. Как объяснил Кир, держать рабов в путах больше не имело смысла – все, кто сбегут, погибнут в безлюдной и безводной степи, по которой, к тому же, рыскают волки.

Люди кинулись – откуда силы взялись – к озеру, и припали к воде. Как животные на водопое... Пошла и я. Пить хотелось невероятно, но, была и еще цель – посмотреть на свое отражение. Ибо, лица рыжей девушки я так и не видела.

Утолив жажду, я дождалась, когда успокоиться водная гладь, и взглянула в зеркало воды.

Замерла, отшатнулась, посмотрела опять.

Села на землю, и завывала – от разочарования, и отчаяния. Мне нужно умереть! Немедленно!

Мое тело раньше принадлежало рыжей, необычайно некрасивой разбойнице, менерийке Лириан, или, как она себя называла, Ли.

Глава вторая

Я плакала, рыдала и скулила, пока не почувяла смешанный запах – лошадей, пота, кожи – и открыла глаза. Дежавю – возле моего лица ноги, одетые в меховые, похожие на унты, сапоги. Поднимаю глаза, и отшатываюсь – Астахан!

Я замолчала, обмирая от стыда и ужаса, из-за своей безобразности.

– Что реवेशь, как баба?– спросил, по-ассински, и улыбаясь, хан.

Баба? Он думает, что я мальчик! Ну и ладно! Мужчинам можно быть некрасивыми!

Аста был он не один— с несколькими богундцами, держащими под уздцы коней. Видимо, правитель Богунда не хотел, что бы знали, кто он – ничем не выделялся среди других. Все воины были огромны, одеты в кольчуги-безрукавки, и длинноволосы. Прически и показывали их знатность – у простых воинов, пленивших нас, волосы короткие. У Асты, конечно, грива длиннее остальных, и немного светлее. И кожа более белая – он же полукровка. А в остальном – одет просто, и украшения недорогие, обычные, как и у всей компании. И Аста улыбался! А это для сурового и свирепого богундского хана редкость! Даже я, любимая женщина Астахана, видела его улыбку только дважды. Впрочем, я вообще видела его раза четыре. Что не помешало нам, однажды, целоваться. Но, тогда я была красоткой блондинкой Эль. А теперь...

Богундцы повели коней в озеро, на водопой, не обратив внимания, что рядом пили люди. Более того, они стегали и разгоняли рабов, попадающихся им на пути, и мешающих лошадям. Аста к озеру не пошел, продолжал стоять возле меня.

– Почему плачешь? – повторил он.

Странный вопрос! Меня, так-то, в рабство захватили! Плясать от радости, что ли?

– Что реवेशь, говорю? – продолжал спрашивать хан – Или, ты баба?

Я, отрицательно, покачала головой – не женщина!

– У тебя мать погибла? Или любимая? – спросил Аста, нахмурясь.

Я опять хотела качнуть головой – моя мама жива, и Дени тоже. Дени...

– Моя любимая осталась в Ассине, в столице, и мы больше никогда не увидимся! – произнесла я, горестно вздохнув. И опять заскулила, даже не притворяясь.

– Мужчины не плачут! – произнес хан – Не ноют, что бы не случилось! Не позорься!

Я замолчала. Спорить с ханом, или не подчиняться ему, нельзя. Тем более, в Богунде. Тем более, с таким свирепым дикарем, как Аста. Отрубит голову одним ударом, даже не моргнет...

– Я собираюсь, в в ближайшие дни, в Ассин! – сообщил правитель – Могу передать твоей невесте привет. Могу и ее в Богунд забрать! Что б ты не скучал!

И он рассмеялся. Да, шутка за двести – мою придуманную девушку Аста мог забрать, только как рабыню.

– Ваше Величество! – воскликнула я, бухаясь перед ханом на колени – Возьмите меня с собой!

– Как ты понял, кто я? – опять нахмурился Аста.

– По волосам! – быстро ответила я – У вас они самые длинные, из всех, кого я видел!

– Хм... Сколько тебе лет? – опять спросил хан.

– Двенадцать! – подумав, сказала я – именно на столько выглядела я в мужской одежде.

Аста молчал. Удивился, наверно, что у такого юного мальчика есть любимая. Хотя... В Богунде в четырнадцать лет можно жениться. Дикари...

А я, не смея поднимать глаз, затараторила, по богундски:

– Хочу быть вашим рабом! Я полезный! Знаю богундский и... – больше полезного о себе я придумать не смогла – И... – вдруг вспомнила – Умею петь! И знаю степные песни!

Вспомнила, Ли хорошо пела. Завораживающе так...

Но Аста не ответил. Более того, когда я подняла голову, обнаружила, что он отошел, и уже сидел на коня. Видимо, потерял ко мне интерес, и мою богундскую речь не слышал. Вообще, до меня только сейчас дошло – как так? Почему хан, славящийся злобным вспыльчивым нравом, и высокомерием, заговорил с ничтожным рабом? И во время разговора был весьма милым и добродушным? Может, не все правда, что о нем говорят? Жаль, что я не обращала на него особого внимания, когда мы встречались при дворе ассинского императора. И толком хана не узнала.

Вернулась к обозу, и уселась на телегу.

– Так как тебя зовут? – опять спросил Кир, который на водопой не ходил – у него была вода в бурдюке. Которой он со мной не поделился. Старый козел...

– Ли! – ответила я. Да, теперь знаю свое имя.

Между тем, рабам раздали еду. Ну, как раздали... Накидали в толпу куски засохших лепешек и вяленого мяса. И люди кинулись их поднимать, толкаясь, дерясь, вырывая провизию из рук друг друга, и затаптывая ее, в серую траву под ногами...

Богундцев, все это, очень веселило – они ржали как кони.

Мне тоже кинули кусок лепешки и мясо. У Кира еда была своя, и он опять жрал в одиночку, ни с кем не делясь.

Сами же богундцы, пока мы ходили на озеро, развели костер, и варили в больших котлах похлебку, аппетитный запах которой был мне знаком. Запах... Готовили они довольно далеко от телеги, но аромат я чувствовала. И вообще – нюх у Ли был, как у собаки. Интересно, все менерийцы такие, или это особенность рыжей разбойницы?

И, кстати. Как объяснил Кир, дрова для костра дикари возили с собой, в таких же повозках, как и наша.

Поев, богундцы стали петь, знакомые мне, красивые и печальные песни. Асты, и его компании, видно не было. Или они уехали, или держались от обоза с рабами в стороне.

А я решила спать. И, только стала задремывать, степь огласилась женскими криками. Я села и осмотрелась.

Богундцы вытаскивали из кучи рабов приглянувшихся женщин, и, насиловали их прямо тут, у всех на глазах, нисколько не стесняясь, отведя, или оттащив чуть в сторону от остальных невольников. Тех девушек, которые сопротивлялись, сначала избивали. Замерев от ужаса и омерзения, я старалась не смотреть на это варварство. Хорошо, что дикари считают меня парнем... Хотя... Может среди них и извращенцы есть?

Будто услышав мои мысли, Кир сказал:

– Не бойся, тебя не тронут! Очень уж ты грязный, и страшненький.

Да, я настолько отвратительна, что на меня даже дикари не позарятся.

Между тем, варвары были неутомимы – бросали, лежащими на земле, "использованных" женщин, и вытаскивали из толпы других. Или, что было самым омерзительным, и мучительным для пленниц, богундцы менялись своими жертвами. И некоторых, самых красивых, насиловали по несколько раз. А ведь многие были, судя по крикам и мольбам, до этого, девственницами...

Я вспомнила песню Ли, которую она пела, когда меня стегали кнутом, и как эта мелодия помогла мне пережить страшную боль. И запела. Слов не помнила – просто напевала мелодию. И меня, словно окутала защитная дымка, пелена – как и в тот раз. Значит, эта песня-заклинание, действует и на того, кто поет. И, сквозь эту дымку, я услышала, что наступила тишина – женщины перестали кричать. Нет, богундцы не остановились, но их жертвам стало легче – они или впадали в забытие, или не чувствовали боли.

Замолчала я тогда, когда варвары унялись, и сели у костров. Но, один из них, судя по волосам, самый главный, подошел к нашей повозке. Я сжалась, и уцепилась руками за края телеги.

– Богундские песни знаешь? – спросил меня дикарь.

Я кивнула.

– Пой! – велел он, и пошел обратно к костру.

Боже! Все лишь спеть!

И я запела. Слов не помнила, да, и не настолько хорошо знаю богундский. Опять, просто мелодия без слов. Напев несколько мелодий, я охрипла и замолчала, ожидая, что мне прикажут продолжить. Но, богундцы уgomонились, и уснули, кто где – все, кроме часовых.

Я тоже улеглась на телегу, притиснувшись к храпящему Киру – он развалился по всех повозке – потому что, ночью стало очень холодно, и я о возницу грелась. Богундцам же, похоже, было все равно – холода они, будто, и не чувствовали.

Долго не могла уснуть – думала. Сбежать надо, но, пока нереально – некуда, погибну в степи, мучительно, от жажды или голода. Или волки съедят. В Империю вернулась зря, и нужно возвращаться в реальность. Для этого, умереть легкой и быстрой смертью. Или попасть в большой город, в храм, на точку. Но, в этих краях храмов нет... Вот почему я лебезила перед Астаханом? Надо было вызвать его гнев – что не трудно – и он бы быстро отрубил мне голову. Быстро... Умирать, однако, страшно, даже зная, что не умрешь. Пока я не была готова к этому. Надо подготовиться, набраться мужества, и...

Я уснула.

Утром, едва я продрала глаза, к нашей повозке подъехал богундец из свиты Асты, которого я узнала по длинным волосам, схватил меня своей лапицей – я смогла только пискнуть, как придавленная мышшь – и посадил на лошадь, сзади за собой.

– Держись! – крикнул он, и послал коня рысью. Держаться было особо не за что, дикарь в гладкой кольчуге, и мне пришлось обнять его за талию. Однако, я старалась не прижиматься к его спине – какая-никакая, а грудь у Ли имелась. И меня бы разоблачили, обнаружив что женщина.

Глава третья

Куда и зачем меня везут – неизвестно. Но, главное, что из того ада, каравана рабов.

Довольно быстро мы догнали Астахана и его свиту, которые нас ждали, и не останавливаясь, понеслись дальше, вместе со всеми. Тело Ли было на редкость выносливым, и особых неудобств не испытывало. Хотя, держаться на лошади, несущейся рысью, и при этом стараться не коснуться грудью спины богундца утомительно.

Через какое-то время я стала задремывать, но этого допустить было нельзя, что бы не свалиться, или не выдать себя. Еще через полчаса мне захотелось писать. Богундцы свои дела решали, не сходя с коней, мне же приходилось терпеть. И сколько еще терпеть – не ведомо. Но, меня взяли с собой, видимо, не для пения или бесед на богунском, а, навсегда. Значит, теперь я рабыня Асты. Значит, мы едем в ханский дворец. Или шатер – в чем он там живет, этот степной дикарь. И, я гадала – возьмет ли Астахан меня в Ассин, когда отправиться туда? Увижу ли я Дени? И, надо ли мне, его видеть? Ведь это слишком больно – смотреть на любимого, и не иметь возможности открыться, или, хотя бы, прикоснуться к нему. И, главное – смотреть, как он любит и любим, как он счастлив. С другой.

Наш конь чуть поотстал – все же, я была грузом, а остальные налегке. Выглядывая из-за спины моего спутника, я видела впереди широкую спину Астахана. И мне хотелось ехать с ним, а не с тем, на чьем коне была. Я даже вспомнила запах Асты – горьковатый, полынный, степной, к которому примешивался сладко-дымный, неведомый мне, но очень приятный, аромат. Эти мысли приходили в голову только потому, что Аста брат Даниэля. Хоть какая-то связь. Да и фигуры их похожи. Если не принимать во внимание черные волосы хана, можно представить, что я вижу спину Дени...

Мои мечты прервались, когда уже стало смеркаться. Мы догнали группу беглых рабов, которые, конечно, побежали в рассыпную, и конечно, были пойманы. Богундцы их не убили – они просто переломали беглецам ноги, и оставили умирать...

Мой сосед по лошади в охоте на рабов участия не принимал – надо полагать, из-за меня, как лишнего груза. Хан тоже. Мы стояли рядом с конем правителя, и я видела профиль Асты. Никаких эмоций экзекуция у него, похоже, не вызывала. Мой же сосед огорчился, что не может погонять рабов, и веселился, слыша хруст костей, и вопли истязаемых. Я же сжималась от ужаса, и пыталась не видеть и не слышать.

Затем, мы продолжили путь. А я раздумывала, как дикари поняли, что эти люди рабы? Потому, что те убежали? Или, еще по каким признакам?

Вскоре мы остановились на ночлег. Когда лошадь замерла, богундец, совершенно неожиданно и бесцеремонно, просто толкнул меня с седла. И я грохнулась на землю, клацнув зубами, и услышав, как во мне что-то екнуло. Не смотря на боль и шок, заметила, что Астахан сердито зыркнул на моего обидчика – видимо за то, что так плохо обращается с его собственностью.

– Кто ж знал, что этот... Не умеет с коня слезать! – оправдывался богундец.

Немного придя в себя, я, наконец-то, отойдя в сторонку, смогла сделать дела. Потом богундцы ели, я сидела поодаль, и ждала, когда и мне, что-нибудь дадут. Дождалась – Аста кинул обглоданную копченую кость, которую я есть не стала. Затем, по знаку хана, один из дикарей принес мне бурдюк с водой, и кусок лепешки. Слава богу, отломленной, а не покусанной. И я поела.

Потом он велел мне петь, я запела, опять без слов. И, украдкой, поглядывала на профиль хана, снова видя императора. Боже, до чего они похожи сбоку! Это обстоятельство, усиливающее тоску по любимому, и недавняя, ужасающая по жестокости сцена, смешались в моей душе, поэтому, мелодии получались наполненными печалью и горечью – на разрыв.

Пела до хрипоты, одну мелодию, другую, третью, без устали, выливая в музыку всю свою боль – до тех пор, пока дикари не уснули.

Тогда отошла от них, и тоже легла. Уже знала, что ночью в степи нестерпимо холодно. Так и оказалось, и, немножко подремав, спать уже не могла. Меня одолевали думы. Сбежать можно, но... или поймают и покалечат, или сама умру. К тому же, я не знала, куда идти. Умереть, спровоцировав богундцев, тоже не вариант – неизвестно, КАК они будут убивать. А уж если узнают, что я женщина... Хотя... На Ли они не позарятся. Тем более эти, знатные господа, у которых, наверное, множество прекрасных наложниц. Но, за обман, несомненно, убьют. И что же мне делать? Как вернуться домой?

Глава четвертая

Я ждала утра, и продолжения пути – хотелось сесть на теплого коня. Но, утром стало еще хуже – моя одежда была мокрой от росы. Богундцы, едва проснувшись, спешно пожевали мясо – мне не дали – сели на лошадей, и собрались ехать дальше. Со мной вышла заминка – все уже в седлах, а я стою и жду, когда и меня посадят. Мой вчерашний сосед смотрел сердито и выжидательно, однако, молчал. Аста тоже взглянул, и не говоря ни слова, огрел кнутом. Правда, не сильно, и не очень больно. Я взвизгнула, и попыталась залезть на лошадь. Богундец, чьего коня я штурмовала, схватил меня за шиворот, и буквально затащил на лошадь. Я уцепилась за его спину, и всадники двинулись. Пригревшись о горячего коня, и не менее жаркую спину дикаря, я, почти сразу задремала, клевала носом, и стучалась лбом об эту самую спину, каждый раз пугаясь, что за это побьют.

Через какое-то, бесконечно долгое, время, дремота отступила, я продрала глаза и осмотрелась.

Местность немного изменилась. В степи появились кусты, деревца, и даже перелески. Часто попадались стада овец, ведомые пастухами, и еще, деревеньки. Что это именно деревни, я поняла не сразу – дома казались сделанными из земли, и выглядели, как холмики. Также, довольно часто мы догоняли караваны – по виду, торговые, с конями и телегами, нагруженными тюками. И, почти в каждом караване были вереницы рабов.

Я приободрилась – судя по оживлению в степи, мы приближаемся к столице, и конец пути близок. Не смотря на выносливость Ли, я уже еле терпела – тело затекло, одервенело и болело. К тому же, в столице должен быть храм, с точкой, куда мне не терпелось попасть.

Появился всадник, и подъехал к нашему отряду. Богундцы остановились, поговорили с прибывшим, и куда-то рванули. Мой сосед по лошади опять просто скинул меня, правда, немного придержал, и я упала на землю без особых последствий. Они уехали, а я осталась сидеть, не зная, что делать. Уйти? Куда? В какой стороне ближайший город с точкой возврата? Да и можно ли, уходить? Вдруг догонят и сломают ноги? Но, скорее всего, меня просто бросили, потому что я мешала всаднику. А отряд отправился туда, где каждый воин на счету – наверное, в битву. Не столь я ценный раб, бросили, и все. Значит, я свободна? Между тем, уже стало жарко, и мне опять захотелось спать. И я приткнулась к кусту, улеглась поудобнее, вытянула ноги, и уснула. И снилось мне, будто куст, возле которого я лежала, и трава подо мной, радуются теплу и солнцу. Правда, трава пыхла и пыталась выбраться из под меня – ей было тяжело, и темно.

Прервало странный сон уже знакомое волочение по земле. Открываю глаза – так и есть, на моей талии петля, и меня тащат по серой траве.

Волочение прекратилось у ног, одетых в кожаные чуни. Мелкий старик, одетый в потрепанный халат, смотрел на меня сверху вниз и лыбился. Я вскочила. Рядом с дедком стоял худой, одетый еще более потрепанно, унылый парень, на голом предплечье которого красовалось клеймо. Раб значит. А мимо нас медленно брело стадо овец.

Старик кивнул, раб шагнул ко мне, и сдвинул ворот моей рубахи сначала с одного плеча, потом с другого. У меня метки не было – клеймят хозяева, когда купят людей у захвативших их. В моем случае, как я думаю, меня бы заклеямили по прибытии в ханский дворец.

Но, из-за этих манипуляций я поняла – эти двое не люди Асты. Они меня просто нашли, и поймали. Да офигеть! Что, в степях ловят всех подряд?

– Клейма нет! – сообщил раб старику очевидное.

– Скоро будет! – захихикал дед, радостно потирая руки.

– Эй! – воскликнула я, пытаюсь освободиться от веревки – Размечтались! Я раб Астахана!

– А где клеймо? – ехидно спросил дедок.

– Не поставили еще!

Веревка не развязывалась – или все богундцы умеют завязывать, или дед раньше был воином.

– Хан всех поубивает, за кражу его собственности! – орала я.

Но, на меня больше не обращали внимания.

Старик отошел, подгоняя овец, а меня повел, держа за веревку, раб.

Вскоре кричать надоело, и я принялась расспрашивать Олива – так звали невольника. Он был из каких то земель, о которых я не слышала. На их селение напали богундцы, похватили рабов и ушли – с этой страной степь не воевала. А потом Олива купил Греца.

– Что же получается? – спросила я – Кто угодно может схватить кого угодно, и сделать рабом? И никаких законов?

– Закон в степи один! – ответил Олив – Кто сильнее – тот и прав! Если ты считаешь себя достаточно сильным, и нападаешь на соседние земли, то готовься получить ответ, или от армии той страны, или от ханского войска, если хан заступится за обиженного.

– Если? – удивилась я – Не всегда заступается за подданных?

– Все зависит от союзов! – непонятно ответил раб.

Я попыталась вспомнить все, что знала о Богунде. Степная страна состояла из нескольких княжеств, которые, в свою очередь, были собраны из множества племен. Хан был князем богундцев – самого большого и сильного племени, поэтому и правил всеми землями и княжествами, жители которых богундцами не считались, хотя выглядели так же, и говорили на том же языке. В общем, все сложно.

Спросила я, и куда мы направляемся, где ближайший город, и как далеко до Ассина.

Шли мы в селение, в котором жил наш, как сказал Олив, хозяин, старый пастух, по имени Грец. И часа через четыре придем. Ближайший город – столица, и до нее день пути. До Ассина – неделя на лошади.

Дальше мы шли молча, и я размышляла. До Ассина далеко, значит надо попасть в столицу. Что мне удастся сбежать от деда – не сомневаюсь.

Мы приблизились к очередному крохотному озерцу, похожему на грязную лужу, и овцы стали из него пить. И Олив тоже. Я же, усевшись на берегу, принялась кричать пастуху, что хочу есть, и пусть хоть убьют, пока не покормят – с места не сдвинусь. Дед, морщась и ругаясь, все же кинул мне кусок лепешки. Воды не дал – я должна пить из озера. Но я не стала – такую грязь употреблять невозможно. Олив жадно смотрел, как я ем, и я крикнула:

– И Оливу дай!

Грец разорался сильнее, я же улеглась на траву и крикнула:

– Не двинусь! Придется волочь! Или нести!

Старому рабовладельцу пришлось кинуть лепешку и Оливу. Да что ж они рабам кидают еду! Для них унизительно просто дать?

Олив съел свой кусок жадно и быстро, и мы двинулись дальше. Я стала уговаривать парня сбежать, или отпустить меня. На что он ответил:

– Отпущу – избыют. Сбегать – некуда. Или поймают и сломают ноги, или умрем от голода. Или волки сожрут.

– Но, – возразила я – здесь попадают деревни! Можно попросить еды, или купить!

– У тебя есть деньги? – поинтересовался Олив. Получив отрицательный ответ, произнес:

– Тогда в ближайшей деревне нас заберут в рабство! Какая разница? Одиночки в степи – уже рабы! Или трупы. А еды в деревнях не дадут, самим не хватает.

"Ужас! Ну и законы! Вернее, их нет!" – подумала я, но мысли о побеге не оставила.

Глава пятая

К вечеру добрались до селения. Оно представляло собой множество сбившихся в кучу небольших избушек, похожих на земляные холмики, и ничем не было огорожено. Однако, загон для овец, охваченный каменными невысокими стенками, имелся. И старик, вместе с рабом, принялись загонять туда животных. Меня отпустили, не отвязав, однако, веревку. Я, потихоньку, двинулась туда, откуда мы пришли, но тут набежали дети, отчасти не такие, какими я представляла детей богундцев – шумные, но не грязные, и даже неплохо одетые, не в пример пастуху и его рабу. Но, милыми эти ребятки не были. Подбежав, они обступили меня, заставив попятиться, затем стали корчить рожи, ржать и показывать на меня пальцем, а потом и вовсе – кидаться землей и мелкими камнями, крича:

– Вонючка! Вонючка!

Это мне? Я вонючка?

Пастух и помощник занимались своим делом, оставив меня на растерзание.

– Отвалите! – крикнула я, закрываясь руками, и продолжая двигаться в степь.

Подошла женщина, лет сорока, невысокая, пухленькая, как колобок, одетая в такой же халат, как и Герц, но более новый, яркий и нарядный. Волосы ее были заплетены в толстую косу, а на макушке кокетливо красовался яркий платок, удерживаемый обручем из светлого металла. Толстушка посмотрела на меня, тоже не остановив детей, затем уставилась на пастуха. Один из камней угодил в нее, женщина заругалась, и дети убежали, потеряв ко мне интерес.

Пастух закрыл деревянные, не знаю как приделанные к камням ворота, и, с важным видом подойдя к женщине, протянул ей руку. Она поклонилась, и руку поцеловала. А раб, маячивший за хозяином, поклонился толстушке.

– Приветствую, муж мой! – сказала она, пастух ответил:

– Здравствуй, Кама! – и на этом с любезностями было покончено. Женщина уперла руки в бока, и кивнув в мою сторону, спросила:

– Что за чучело?

Пипец! Еще и чучело!

– Наш раб! – произнес пастух, заглядывая жене в лицо, и, по виду, рассчитывая на ее одобрение.

– И зачем он? Тощий, мелкий, грязный... На что он пригоден? – скривилась жена, не одобряв приобретение мужа.

– Продадим! – заискивающе оправдывался старик.

Похоже, целование руки – просто ритуал. Хозяйкой в доме была жена.

Дени ошибался, когда говорил, что слово женщины в Богунде ничего не значит. Еще как значит!

– Тьфу! Кто его купит! – между тем, произнесла хозяйка, и добавила, весьма нелогично:

– Заклейми, что б не сбежал!

– Нельзя меня клеймить! – крикнула я – Я раб Астахана!

– Врет! – воскликнул пастух – Клейма нет!

– А если не врет? – услышала я голос, обернулась, и обнаружила еще женщину, довольно молодую, красивую, с золотым обручем на голове, и в окружении трех рабынь.

– Астахан убьет за кражу своей собственности! – продолжила она – Может, заклеить не успели. Грец, где ты его взял?

– Спал под кустом, госпожа! Один! – ответил, кланяясь, пастух, и добавил – А хана нет, он в походе!

– Уже вернулся! – улыбнулась молодая – С победой, как всегда!

– Значит, – встрепенулся старик – и господин Глава возвращается?

– Да! – продолжила улыбаться молодая – И мой муж тоже вернулся, живой, слава богам, и невредимый! Был гонец. Утром Глава племени прибудет домой! С трофеями и рабами! Поэтому, завтра с утра зарежь баранов для пира!

Жена Герца тоже улыбалась и кивала.

– Слушаюсь, госпожа Ирилия! – ответил старик, опять кланяясь.

Толстушка выступила вперед, закрывая меня от молодухи.

– Конечно, – произнесла она – раб врет! Зачем такая вонючка хану?

Ирилия хлопнула в ладоши, и жена пастуха, с неохотой, отодвинулась.

– Что ты умеешь, раб? – спросила молодуха – За что великий Астахан забрал себе?

Я молчала, опустив голову. Петь для этих я не собиралась.

– Вот! – воскликнула толстушка – Совсем бесполезный! Но, по праву наш! Грец его нашел, и пленил!

– Это так! – кивнула Ирилия – Можете оставить, но, пока не клеймите! Дождемся Главу, пусть он решает! Только, – добавила она, поморщившись – пусть помоеся. И одежду другую дайте!

– Да, жена Главы! – почти хором ответили муж с женой, кланяясь. Илирия удалилась, толстушка негромко сказала:

– Еще чего! Воду на него тратить! Завтра в озере помоеся!

И повернулась к мужу:

– Пойдем в шатер, муж мой! Трапеза ждет!

Смотрела она, при этом, на Олива.

И мы двинулись между домишками, которые, при ближайшем рассмотрении, оказались из глины, смешанной с мелкими камнями, и, почему-то, именовались шатрами.

У пастуха и его жены был только один раб – Олив. Поэтому, супруги так в меня вцепились. Жил Олив к хижине, слепленной кое-как, из той же глины – сам сделал, и сделал неумело. На земляном полу лежал ворох сухой травы, на которой раб спал, вот и вся мебель. Эта избенка притулилась к сараюшке, где хранились дрова, одна из самых больших ценностей степи – их покупали у племен, живущих в предгорьях, в лесу. И Олив должен был по ночам не столько спать, сколько охранять эти ценности. Теперь он, с радостью, перепоручил это мне.

Но, величайшей ценностью степи были лошади, в чем мне предстояло убедиться, буквально, на своей шкуре.

А пока я спросила у Олива – покормят ли нас? И он ответил – как только пастух поест, напьется вина, и уснет, хозяйка принесет еды.

И, вскоре Кама прибыла, неся на куске шкуры кучу яств – и суп, и лепешки, и сыр. И вино. Все это она поставила перед Оливом, мне же вручила глиняную миску с похлебкой, кусок лепешки, и кусок жареного мяса.

– Иди отсюда, Вонючка! – сказала она при этом – На улице поешь!

Я вышла, села, прислонившись спиной к хижине, и съела все, что мне дали.

И пол ночи провела у хижины, слушая страстные вздохи и стоны Олива и Камы. Я старалась их не замечать, и мечтала поскорее оказаться в озере, в его теплой, почти горячей от солнца, воде, и, наконец, помыться.

Когда хозяйка ушла, раб позвал меня, отдал остатки вина, и предложить спать рядом с ним – так теплее. Я прислонилась к спине Олива спиной, и уснула.

И, почти сразу нас растолкала Кама – меня, так даже, попинала.

Оказывается, уже утро, и нужно ехать за водой. И мы отправились на озеро, находящееся недалеко от деревни.

Усевшись втроем на повозку, заполненную пустыми бурдюками, и запряженную лошадью, двинулись в путь. Всю дорогу раб и хозяйка ворковали, а подъехав к озеру, велели мне носить воду, и отошли от повозки, видимо, довольно далеко – я их не видела и не слышала.

Вода оказалась холодной – остыла за ночь, и приятного купания не получилось. Кроме того, лошадь постоянно пыталась подойти к кустам, отдаляясь от озера вместе с повозкой – там трава была более зеленая и сочная. Опасаясь, что конь уйдет слишком далеко, за что мне достанется от хозяйки, его выпрягла, отвела к кустам, к ним и привязала, а затем, залезла в озеро. Было холодно, но терпимо, да и мыться надо было по любому. И хорошо, что Кама и Олив отошли – я смогла раздеться. Кое-как помывшись, одела то, что мне дала хозяйка – старую одежду Греца, которая, хоть и была мне великовата, но не критично – пастух был невысок.

Выйдя на берег, я обнаружила Каму, хмуро на меня смотрящую, и удивилась – теперь то чем недовольна?

– Где лошадь? – тихо спросила хозяйка.

Я повернулась к кусту, что бы показать на коня, и замерла – его там не было! Лошади не было нигде!

– Где лошадь, Вонючка, я тебя спрашиваю? – повторила Кама. Я ничего не смогла ответить, только тупо на нее тарасилась. Олив принялся кричать, зовя коня, но, понятно, что зря – вокруг голая степь с редкими кустиками, и коню от наших глаз укрыться негде. Лошадь сбежала, или ее украли...

Кама буквально зарычала, и кинулась на меня. Она лупила ногами и руками, а я только закрывала голову...

Устав, хозяйка села на землю, простонала:

– Нам больше никогда не купить коня! Столько денег больше не скопить!

И зарыдала, завывала, как по покойнику. Я тоже заплакала, вытирая рукавом кровь, капающую из разбитого носа. Нет, не от боли – от того, что случилось по моей вине.

Неожиданно, Кама замолчала, уставилась на меня, и зловеще произнесла:

– Получишь кнута! Столько ударов, сколько надо, что б сдох!

И она не шутила.

– Госпожа! – воскликнул Олив, и показал рукой вдаль. И мы с Камой увидели возвращающуюся лошадь.

– Великие боги! – воскликнула женщина, и кинулась, на удивление быстро, навстречу коню. И, обняв его за шею, стала что-то, ласково бормотать. Я тоже улыбнулась, продолжая размазывать кровь – какое облегчение!

Затем, мы набрали в бордюки, и загрузили в телегу воду, и отправились в деревню. Кама больше не ругалась – похоже, переживание, истерика и мое избиение вымотали ее.

Грец закончил с убийством баранов, и отправился пасти стадо, сокрушаясь, что не дождался Главу. С ним отправился и Олив, хотя Кама пыталась спихнуть меня. Но, какая от меня польза, если на стадо нападут волки?

Едва мы с хозяйкой успели разгрузить воду, пришлось отправляться встречать Главу, который, как раз, въезжал в селение. Моему изумлению не было предела – Главой оказался богундец, который руководил караваном, из которого меня забрал Аста. Ну и хорошо – подтвердит, чей я раб, и отправит в столицу!

Глава привез с собой несколько телег с разным добром, и немного рабов – остальных продали.

Начался пир, в честь возвращения Главы племени. Дикари уселись у костров, на которых жарились, варились и парились бараны. Богундцы ели, пили, пели, плясали, и толкали речи, восхваляющее Главу и великого хана Асту. Рабам тоже разрешили присутствовать – позади свободных граждан, которые, время от времени, кидали нам объедки.

Ко мне подседа дочка Камы и Греца, десятилетняя Мия. Она с интересом меня рассматривала, потрогала мои волосы, сказала, что помывшись я стал хорошеньким, и неожиданно предложила:

– Будешь моим мужем?

От неожиданности, я подавилась вином.

– Не сейчас, а когда мне исполнится четырнадцать! – уточнила девочка.

Я тоже ее рассмотрела— высокая для своих лет, и здоровая, как молодая лошадка.

– Я же раб! Как могу на тебе жениться? – смогла, наконец, ответить я.

– Выкуплю! – тряхнула головой Мия.

– Есть же свободные парни! Можно выбрать! – продолжала упираться я. Не могла же сказать, по какой причине жениться нам невозможно...

Мия вздохнула и объяснила. Она единственный ребенок Камы, значит, велика вероятность, что и у Мии будет мало детей, или не будет вообще. Поэтому, в жены девушку не возьмут, а только в наложницы, как дополнение к жене. Наложницей Мия быть не хотела – у них меньше прав и влияния, чем у жен.

– Женишься на мне? – опять спросила Мия, и мне пришлось согласиться – это еще не скоро, а расстраивать девочку не хотелось.

Но, что бы избавиться от ее общества, я, потихоньку, уволоклась в свою сараюшку. Спала плохо – надо было охранять дрова, а главное, лошадь. Теперь я очень боялась, что с ней, что-нибудь, случится. И я просто дремала, под звуки богундских песен – как всегда, дикари пели у костров.

Утро началась позже, чем вчера, но более тяжело. Сначала отправили убирать последствия вчерашнего пира, вместе с другими рабами – таскать тяжелые котлы, убирать мусор и мыть золой посуду. При этом, все, даже рабы, норовили на меня наорать или пнуть – я была самая слабая. Я огрызалась, и даже, толкалась в ответ, пытаюсь отвоевать место под солнцем.

Вернулась в хибарку, едва волоча ноги, и тут же новое указание – вытрясти ковры из "шатра" Камы.

Посмотрела, как устроено внутри жилищ богундцев. Очень просто – на стенах ковры, на полу тоже, и на них раскиданы подушки. "Комната" от "комнаты" отделены занавесками. И все. Готовили богундцы на улице, на простеньких очагах из камней. Ели там же.

Мне велели заняться напольными коврами, которые, как оказалось, устилали пол в несколько слоев. Ковры были огромными и тяжеленными. Таскаясь с ними, я даже упала несколько раз. Видя мои мучения, помогла Мия – позаботилась о будущем супруге. Вместе носить ковры было полегче.

Немного отдохнув, я получила новое задание – молоть муку. Как оказалось, это ад. Несколько рабов, налегая на веревки, ходили по кругу, двигая огромный плоский камень, лежащий на таком же, неподвижном. Спрашивать, почему это не делают лошади глупо, и так понятно – лошади слишком ценны, и предназначены для других дел.

Через час монотонного хождения по кругу, требующего напряжения сил – камень тяжелый, и двигался с трудом – у меня закружилась голова, и я едва не падала. К тому же, дышать приходилось мучной пылью, висящей в воздухе, как туман. А если кто-то из рабов замедлялся, то получал от надсмотрщика кнута.

К вечеру, чуть живая я добралась до своей каморки. Мия принесла мне поесть – супа, мяса лепешку и вина – и смотрела сочувственно.

После ее ухода я мгновенно уснула, но посередине ночи в ужасе проснулась, и пошла проверять дрова и лошадь.

Потом не могла уснуть – болело тело, и напал кашель, то ли от мучной пыли, то ли, от купания в холодном озере.

Я размышляла – что будет дальше? Такая адская жизнь не выносима! Главе, видимо, про меня не доложили, не до рабов ему. Или, Илирия про меня забыла. А уж Кама напоминать не будет! Значит, надо попасться на Главе на глаза!

Надеяться на то, что админы игры меня спасут, не приходилось. Они наблюдали за Элейн, потому что она была принцесса, жила во дворце, и была фавориткой императора. И, думаю, с нетерпением ждали, когда мы с Даниэлем займемся любовью. Ведь Эль была красавица! А на страшенькую женщину, одну из тысяч рабов, внимания не обращали. На точку я не явилась, но и не умерла, иначе бы вернулась. Значит, у меня все нормально...

Раздался шум, крики, я вскочила и выбежала на улицу – вдруг воруют лошадь? Но, было еще хуже – на деревню напали.

Глава шестая

Селение горело – хотя, чему в нем гореть, непонятно. Глине? Вокруг вопили женщины и дети, мелькали силуэты всадников и бегущих людей. И свистели, невидимые в темноте, стрелы.

А я, вместо того, что бы быстро юркнуть обратно в мазанку, стояла, тупо таращась в ночной сумрак. И достоялась – тело обвила веревка, и меня дернуло вперед. Конечно, я упала, меня поволокло, но теперь я старалась поднимать голову, что бы не царапать лицо, и прятать руки. "Опять!" – тоскливо подумала я, прежде чем резко рвануло вверх, огромные лапы перехватили, и кинули поперек коня. Лошадь понеслась, и, судя по отдаляющимся крикам, прочь от деревни. А я лежала поперек крупа, вниз головой, и свесив ноги. Когда от такого положения стало мутиться сознание, мы остановились, и меня скинули с коня. Я опять грохнулась об землю, слабо пискнула от боли, почувствовала пинок, и поползла туда, куда пинали. Немного очухавшись, обнаружила себя в куче таких же перепуганных и отупевших людей. Дальше – уже знакомо. Нас подняли, кнутами и пинками, связали, построили в шеренгу и погнали по степи. При этом обнаружилось, что из нашей деревни схватили только несколько человек. Налетели, похватили людей – и умчались. И надо же им было забрать меня! Бесплезную и слабую...

Кто были напавшие не известно. Ругались по – богундски, выглядели так же, но это ничего не значило.

Сколько часов мы шли – не знаю. Днем стало очень жарко, а надо спешить – подгоняли кнутами, видимо, опасаясь погони и возмездия. Хуже всего, что я была босиком. Степная земля казалась раскаленной, а трава нестерпимо колючей. Остановились только вечером, как обычно – у озера. Рабы ринулись пить, мешая лошадям, и получая, за это, кнутами. Припала к грязной луже и я... А потом, вместе с другими, дралась за куски черствой лепешки, брошенной в толпу...

Потом рабы уснули, и я тоже, спасаясь от действительности и боли в израненных ногах, в тумане забытья. Проснулась из-за криков и свиста стрел – опять напали – и уже не испугалась, и не удивилась – привыкла. Светало, и я хорошо видела напавших – огромных воинов на огромных конях. И Асту, носящегося по полю, рубя мечом направо и налево, как черный демон. Наверное, хан мне просто кажется, видится воспаленным, от жары и мучений мозгом. Но мне пофиг. Выбравшись из кучи людей, бреду среди мечущихся лошадей, и машущих мечами всадников, иду к тому, от кого жду избавления, и бормочу:

– Аста! Я не сбегала – меня схватили и увели! Забери меня! Забери! Или убей!

Меня сбили конем, но я подняла голову, нашла глазами того, кого считала ханом, и продолжила бормотать. И поползла к нему, по мокрой и скользкой, от крови, травы, среди трупов, корчащихся раненых, свиста стрел, слившихся в сплошной гул воплей и лязга мечей, не обращая ни на что внимания. Каким-то чудом, ни кони, ни мечи, не стрелы меня не задевали. У меня была цель – Аста, и я двигалась к нему с маниакальным упорством. А он ускользал и удалялся, носясь по полю битвы.

А потом сильная рука схватила меня за шиворот, и кинула на круп коня. И я опять повисла вниз головой. Но, на этот раз у меня была цель, и уж не знаю как, я смогла – ерзая, извиваясь, цепляясь за лошадь руками – усесться позади всадника, и обхватила его за талию, что бы не свалиться. И почувствовала сладко-дымный, знакомый аромат, на этот раз смешанный с запахом крови... Уткнувшись лицом в волосы, закрывающие широкую кольчужную спину Асты, заплакала – теперь уже, от облегчения. Астахан был единственный из прошлой жизни, в этой реальности, в этой степи. И он был единственный, с кем можно ничего, и никого не бояться.

Конь несся рысью прочь от битвы. Впрочем, наверно там все кончено. Что будет с похитителями и их жертвами, меня не волновало – главное, сама в безопасности.

Неожиданно, лошадь замедлилась и остановилась. Я замерла и сжалась – опять выкинут, и бросят? И, еще сильнее сцепила руки.

– Хватит мазать меня соплями! – произнес Аста, и убрал волосы, перекинул их на грудь. Я встрепенулась, и слегка отодвинулась. Мы продолжили путь, а я осмотрелась.

Аста был не один – в той же компании из десяти всадников, с которой был и тогда.

Ехали мы долго, уже неспешно, и не останавливаясь. Оказывается, моих похитителей догнали не очень далеко от столицы – местность стала знакомой. Деревеньки, перелески, стада и караваны, то и дело попадались на пути.

И вот она, столица Богунда! Миххор, что в переводе с богундского – Белый Город. И, насколько я знала, единственный большой город в Богунде.

Я узнала Миххор, так как видела рисунки и картины с его изображением. Крепостная стена из красного камня, возле которой плотными рядами, на несколько километров во все стороны, расположились глиняные избушки, шатры, и каменные домишки. И, рынок. Все пространство, не занятое строениями, было завалено товарами, и заполнено людьми – продавцами и покупателями.

Мы въехали в огромные ворота, которые услужливо распахнулись перед нами, и оказались на огромной площади, которую окружали белокаменные дома. Вот почему Белый Город!

На площади собрался народ, который радостно шумел, приветствуя возвращение правителя.

Миххор оказался светлым, прекрасным, и пустынным. С площади мы выехали на широкую улицу, окруженную деревьями, и, совершенно пустую. Изредка попадающиеся прохожие при виде Астакана торопливо склонялись, и стояли так, пока мы не проедем. А еще меня поразили множество фонтанов. В степи, где дефицит воды!

Мы въехали в еще одни ворота, и оказались на другой площади, поменьше, с выстроившимися склонившимися людьми – видимо слугами и придворными. Площадь эта находилась возле входа в белый дворец. Меня удивила одежда собравшихся: Как и в Ассине, во время встречи императора, подданные хана тоже выстроились кланами, но, каждая группа была одета в одежду определенного цвета. У одних она была богатая и роскошная, у других простая, но, одинакового для клана цвета.

Отдельно стояли несколько девушек, в белых с золотом одеждах, а чуть поодаль от них – немолодая женщина в голубом, и мужчина в черном.

Хан остановил коня, которого сразу же подхватил под уздцы подбежавший мальчишка, и спрыгнул на мощеную светлым камнем площадь. Я тоже стала слезать, но это было трудно – израненные ступни распухли и от прикосновения к стремени их словно ожгло огнем.

Подбежал еще парнишка и помог мне слезть. Однако, стоять я не могла, и сразу села – плюхнулась – на брусчатку.

Между тем, хан подошел к белозолотым девушкам, и, слегка коснулся волос одной из них – очень красивой, хотя и типичной богундки.

– С возвращением, Великий Правитель! – воскликнула она – Мы так ждали! Пережидали!

– С чего? – усмехнулся хан – Что со мной могло случиться?

К нему приблизились мужчина в черном и женщина в голубом. Аста что-то сказал женщине, кивнув на меня, и удалился, в сопровождении девушек и мужчины в черном, во дворец. А ко мне подошла женщина в голубом.

– Меня зовут Галла, и я управляю дворцом Великого Хана! – представилась она – Как твое имя?

– Ли! – ответила я.

Галла посмотрела на мои ноги, и велела слугам отнести меня к лекарю, что они и сделали. Доктор, немолодой мужчина, внешность которого я бы назвала европейской, намазал мои лапы

мазью, забинтовал белой тряпочкой, и меня отнесли в мою комнату. В мою, отдельную, комнату! Потом принесли поесть – шикарную еду! Суп, мягкие лепешки, и напиток, напоминающий чай.

Поев, я уснула, и проспала почти сутки, просыпаясь поесть, и на перевязку. Как только раны стали заживать, я сходила в баню для слуг, выбрав момент, когда там никого не было.

Затем, переоделась в выданную мне одежду голубого цвета, и полюбовалась собой в зеркале. Не такая Ли и страшненькая. Стройная, с красивыми большими зелеными глазами. Даже рыжие вьющиеся волосы и веснушки на смуглой кожи смотрелись мило. В общем, я стала даже хорошенькой. Для мальчика...

Было раннее утро, я села у окна, и стала любоваться видом дворцового комплекса, а именно небольшой площадкой неизвестного назначения, окруженной садом.

Потом в этом укромном месте появился Аста, обнаженный до пояса, с мечом в руке. Понятно, для чего площадка – для тренировок.

Хан размахивал мечом, и это было похоже на китайские боевики – красиво, так, будто сложный танец с поворотами. И сам он был хорош! Волосы, забранные в узел, не стлались, как обычно, по его спине, и не скрывали красоты тела – мощного, с вздымающимися и перекатывающимися под смуглой кожей мышцами. При этом, Аста не был шкафоподобен – несмотря на широкие плечи, в бедрах он не был массивен. Я тарасилась на него, любовалась, и вспоминала, как уже видела хана полуобнаженным, и, как и теперь, не могла отвезти глаз от его тела, хотя и была влюблена в его брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.